

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ НЕДВИЖИМОГО ИМУЩЕСТВА В АНГЛОСАКСОНСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Е. Н. Учайкина

Дальневосточный государственный университет

Целью данной работы является исследование процесса концептуализации на примере категории НЕДВИЖИМОЕ ИМУЩЕСТВО, в ходе которого определяется ее структура. На ментальном уровне в данную категорию входят 22 концепта, представленные совокупностью эксплицитных и имплицитных признаков. Комплексный подход к исследованию позволяет наиболее полно восстановить содержание ментального объекта, установить роль земельной собственности в англосаксонской культуре и особенности ее концептуализации.

Данная работа представляет собой попытку исследования проблемы концептуализации на примере категории НЕДВИЖИМОЕ ИМУЩЕСТВО в англосаксонской культуре. Мы полагаем, что выявление концептуального содержания рассматриваемого ментального объекта с точки зрения комплексного подхода позволит установить роль земельной собственности в указанный период, а также особенности ее концептуализации.

Актуальность предложенной темы обусловлена важностью процесса концептуализации для познания когнитивной деятельности человека. В ходе упомянутого процесса вычленяются концептуальные признаки, формирующие концепты. Последнее, в свою очередь, являются конститuentами более объемного ментального образования, т.е. категории [1, 66, 83; 8, 59; 10, 286].

Категория НЕДВИЖИМОЕ ИМУЩЕСТВО представляет собой (наряду с БЫТОВЫЕ ПРЕДМЕТЫ, ДУХОВНЫЕ ЦЕННОСТИ, УКРАШЕНИЯ, ВОЕННЫЕ АТРИБУТЫ) сегмент концептосферы БОГАТСТВО, что также свидетельствует о важности данной работы. Как известно, Богатство наряду со Временем, Пространством и др. является одним из ключевых конструкторов модели любой исторической эпохи [5, 172—173].

В ходе исследования был использован комплексный подход: концептуальный, контекстуальный и дефиниционный методы анализа дополнены интерпретацией в контексте культуры. Под концептуальным методом вслед за Л. О. Чернейко, Б. А. Боруховым и М. Г. Лебедевко мы понимаем способ исследования, фиксирования и объяснения представлений и понятий носителя языка [2, 116; 9, 114; 10, 286]. Одним из частных приемов данного метода является гештальтный анализ, т.е. бук-

вальное прочтение глагола (имени), употребляемого в сочетании с другим именем [10, 289], что приводит к экспликации имплицитных признаков в содержании ментальных объектов.

Сегмент НЕДВИЖИМОЕ ИМУЩЕСТВО на ментальном уровне является категорией, в состав которой входят 22 концепта. На языковом уровне рассматриваемый сегмент вербализуется 8 простыми единицами (*maððum, sele, fold, eðel u m.ð.*) и 14 составными (*ofer-maððum, gold-sele, eðel-turf, eard-geard u m.ð.*). Корпус материала исследования составляет 160 контекстов из древнеанглийских поэтических источников, содержащих языковые единицы.

В ходе исследования концептуализации недвижимости был восстановлен концептуальный состав членов данного сегмента, представленный совокупностью эксплицитных и имплицитных признаков. Обращение к дефиниционному анализу помогает установить эксплицитные признаки. В содержании, например, концепта LAND «земля» мы различаем три эксплицитных признака: 1) **земля** в противопоставлении воде, воздуху, суша; 2) **страна**; 3) **земельная собственность**, культивируемая земля. Подтверждением сказанного являются толкования древнеанглийского слова *land/lond*: 1) *land as opposed to water or air, earth*; 2) *a land, country, region, district, province*; 3) *land, property, estate, cultivated land, country* [14] и 1) *land*; 2) *country*; 3) *district* [28]. Вычлененные эксплицитные признаки свидетельствуют об относительно общем (в сравнении с *eā-lond* «остров») представлении об объекте, стоящем за языковой единицей *land/lond* «земля».

В результате дефиниционного анализа *всех* единиц была выявлена особенность семантики средств, фиксирующих исследуемый сегмент: различаются языковые единицы как с абстрактным

(*lond-ryht* «право на землю»; *ēþel-ryht* «право на землю, собственность» и др.), так и конкретным значением (*sele* «зал»; *gold-sele* «зал, место раздачи золота» и др.). Значит, конкретное и абстрактное представления в англосаксонской картине мира были тесно переплетены в ходе концептуализации недвижимости.

Исследование словарных толкований позволило установить, представление о каком недвижимом имуществе было включено в данный сегмент: личное материальное имущество (*ham* «дом с землей», *eard* «родной дом, земля», *lond-stede* «земельный участок»); личное достояние целого народа (*eðel* «родной дом, родина, недвижимое имущество»); атрибуты королевской власти (трон, дворец) (*bold* «зал, дворец», *fold-bold* «место обитания, дворец», *gif-stōl* «трон, место раздачи даров»).

На основе дефиниционного анализа мы также выявили, что трон и дворцовый зал являлись местом раздачи драгоценностей (золота и колец) (*gold-sele* (зал, место раздачи золота), *hring-sele* (зал, место раздачи колец), символизируя тем самым щедрость правителя и средство установления социальных отношений между правителем и его подданными.

Кроме этого, обращение к словарным дефинициям позволило определить одну из символику объектов, стоящих за исследуемым сегментом. Древнеанглийское слово *eðel-wynn*, толкуемое как 'joy in ancestral estate, happy home' [28], свидетельствует о том, что дом, как один из видов недвижимого имущества, концептуализировался в англосаксонской картине мира в качестве символа радости, веселья, что отражает языческое мировоззрение [6, 14]. Таким образом, дефиниционный анализ позволяет сделать вывод о присутствии языческих представлений в сегменте, а также об этическом характере восприятия недвижимой собственности в англосаксонской картине мира.

В содержание концепта LAND «земля» входят 23 имплицитных признака, из которых 9 были выделены с помощью концептуального анализа с привлечением интерпретации в контексте культуры.

Концептуальный анализ позволил установить, прежде всего, роль объекта, стоящего за данным концептом. Так, признаки **наследства** и **имущества** имплицитно представлены в языковой сочетаемости: 1) *eaferum laefde...*, // **land** досл.: сыновьям оставил... // **землю** [13, 2470—2471] и 2) *Greca lond* досл.: греков земля [16, 251]. Буквальное прочтение сочетаний имени *Gērcas* (*the Greeks* [13]) и глагола *laefan* (*to leave* [28]) с именем *land* «земля»

создает образ объекта, находящегося в обладании народа и передаваемого по наследству. Из вышесказанного следует, что в содержание концепта LAND «земля» входят представления о законодательной сфере деятельности англосаксонского общества: по закону земля может быть передана во владение по семейной линии.

С помощью концептуального анализа эксплицируется признак **дара**, имплицитно представленный в семантическом сочетании: *lond forgeaf* досл.: **землю подарил** [28, 95] (*forgifan: to grant, give* [28]). Наличие этого концептуального признака в составе ментального конструкта LAND «земля» предполагает участие объекта, стоящего за концептом, в дарственных церемониях и свидетельствует об источнике его получения: землю приобретают не только по наследству, но и в результате акта дарения.

Посредством буквального прочтения сочетаний глагола *gyldan* (*to pay, require* [28]) с именем *land* «земля» (*geald* // ... // ...; // ... // *landes* досл.: **заплатил** //... //... // ... // **землей** [13, 2991—2995]), вычленяется признак **средства оплаты**, что является аргументом присутствия представлений о финансовой сфере в исследуемом сегменте. В контексте культуры данный факт свидетельствует об использовании земельной собственности наряду с кольцами в качестве платежных средств.

Обращение к концептуальному анализу выявляет также антонимичные признаки **объекта отчуждения** и **объекта стремления**, имплицитно представленные в языковых сочетаниях *land ofgeaf* досл.: **землю покинул** [13, 1904] (*ofgyfan: to give up, abandon* [28]) и *land gesohte* досл.: **землю искал** [16, 270] (*ge-sēcann: to seek, inquire, ask for, go to approach, look for, visit, come to* [14]). Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что семантика древнеанглийского слова *land* «земля» характеризовалась наличием противоположных значений «объекта отчуждения» и «объекта стремления», что является одной из особенностей семантики древнего языка.

С помощью буквального прочтения сочетаний глаголов *cunnan* (*to know* [28]) и *gesēon* (*to see, perceive, look at* [28]) с именем *land* «земля» вычленяются признаки **известного объекта** и **объекта пристального внимания**, имплицитно содержащиеся в следующих языковых выражениях: 1) *con...land* досл.: **знает...землю** [13, 2062] и 2) *land gesāwon* досл.: **землю увидел** [13, 221]. Данные признаки являются качественными характеристиками объекта, представления о котором включены

в исследуемый концепт: это знакомый объект материальной природы, вследствие чего он мог быть зрительно воспринимаем.

Концептуальный анализ сочетания имени *mōr* (*toor; mountain* [27]) с другим именем *land* «земля» в составной единице *mōr-land* *досл.: дикое высокогорье* [16, 612] эксплицирует и признак **некультивируемой земли**, что качественно дополняет состав концепта LAND «земля»: он содержит представления не только о культивируемом земельном участке, но и о необработанной земле, участке природного ландшафта.

В рассматриваемый концепт входят 14 имплицитных признаков, вычлененных в результате обращения к широкому контексту древнеанглийской поэзии. Контекстуальный анализ с привлечением интерпретации в контексте культуры позволяет выделить новые концептуальные признаки. В ходе исследования фрагментов письменных источников была выявлена роль недвижимого имущества и особенности его концептуализации в англосаксонской картине мира. Прежде всего, обращение к анализу контекстов помогает вычленить признак **огромного сокровища, богатства**, имплицитно представленный в *geald þone guð-ræes Geata dryhten, // Hrēðles eafora, þā hē to hām becōm, / / Iofore ond Wulfe mid ofer-maðmum; // ...hund þusenda // landes* *досл.: заплатил за рвение в бою король гаутов, // отпрыск Хигелака, когда они домой пришли, // Эволу и Вульффу чрезвычайно огромными сокровищами, // ...сто тысяч // земель* [13, 2991—2995]. Данный признак доказывает ценность земельной собственности в англосаксонской картине мира и является критерием включения концепта LAND «земля» в концептосферу БОГАТСТВО. Из анализа приведенного отрывка также следует наличие в составе концепта концептуального признака предмета, имеющего цену, т.е. **товара**, что говорит об экономическом характере сегмента НЕДВИЖИМОЕ ИМУЩЕСТВО. На основании контекста можно предположить, что ценность земли могла быть измерена в деньгах. Культурологические данные дают возможность предположить — в скеаттах, серебряных английских монетах, или в золотых тремиссах [3, 415].

Контекстуальный анализ вышеприведенного поэтического фрагмента уточняет признак **средства оплаты**, уже эксплицированный вследствие использования концептуального метода исследования. Этим контекстом манифестируется, что земля в древнеанглийский период концептуализировалась как средство платы за ратные подвиги.

Вышесказанное упоминается и рядом исследователей, согласно которым воины-тэны получали в награду от своих вождей землю наряду с оружием, конями и драгоценностями [3, 416, см. также 6, 200]. Использование недвижимого имущества как платы за нематериальные ценности — верность своему конунгу, мужество и героизм в военных баталиях — говорит о неразвитости товарно-денежных отношений и доминировании нематериальных ценностей в англосаксонском культурном этносе. Факт дарения конунгом такой большой ценности, как недвижимость, может рассматриваться в контексте культуры как показатель щедрости правителя. Как известно, «щедрость — залог жизненного преуспеяния и общественного уважения» [6, 204, см. также 4, 230—231].

Вследствие анализа поэтического фрагмента вычленяется признак **убежища**, что подтверждается употреблением языковых единиц *lond* «земля» и *freoðo-burh* «убежище» в качестве синонимов в пределах одного контекста: *lond...*, // *freoðo-burh* *досл.: страну...*, // *убежище* [13, 522—523]. Обращение к другим поэтическим строкам позволяет конкретизировать этот признак: *lande lid-manna helm* *досл.: к земле, мореплавателей защите* [13, 1623]. Из приведенного отрывка следует, что земные пространства являлись объектом стремления странствующих мореплавателей. Одной из причин этого стремления являлась защитная функция земли от бушующей морской стихии.

Концептуальный признак **места правления** имплицитно представлен в следующем контексте: *lond...* // *...þær hē folc āhte* *досл.: страну... // ...где он народом владел, правил* [13, 521—522]. Приведенным фрагментом манифестируется политическая функция земельной собственности: она являлась местом осуществления политических полномочий субъекта королевской крови, заключавшихся в правлении страной и ее населением. Значит, в анализируемом сегменте отражена политическая сфера англосаксонской культуры.

В нижеприведенном фрагменте имплицитно представлены признаки **родного дома, места жительства; средства установления социальных отношений и символа радости и веселья**: *lc him þa maðmas, þe he me sealde, // geald æt guðe, swa me gifede was, // leohtan sweorde; hē (Hygelac) mē (Beowulf) lond forgeaf, // eard, ēðel-wyn* *досл.: я ему за богатства, которые он мне дал, // заплатил в битве врученным мне сверкающим мечом; он (Хигелак) мне (Беовульф) землю подарил, // родной дом, дом, полный веселья* [13, 2491—2494]. Упот-

ребление в одном контексте древнеанглийского слова *ēdel-wun* «дом, полный веселья» и в качестве уточняющих языковых единиц *lond* «земля» и «*ead* «родной дом» выявляет, конкретизирует семантику слов *lond* «земля» и «*ead* «родной дом». Вследствие данного факта, на ментальном уровне недвижимость концептуализировалась как родной дом, ассоциируемый с весельем и счастьем, что является аргументом присутствия этического элемента в данном сегменте. В упомянутом контексте также манифестируется факт дарения земли субъектом королевской крови своему подданному, что говорит в пользу социальной значимости земельной собственности: являясь объектом дарственных церемоний, она выполняла функцию связующего звена между представителями различных социальных слоев. Обращение к контекстуальному анализу позволяет уточнить признак **дара**, вычлененный с помощью концептуального анализа: недвижимое имущество характеризует дарственный ритуал в древнеанглийский период: земля и дом являлись ценными дарами, требующими ответного дара — подвигов. Подобная форма социального общения (средством обмена имуществом) объясняется языческими традициями: дар имел свою силу только в случае ответного вознаграждения [6, 201—202]. Вышесказанное говорит в пользу взаимодействия социального, мифологического и этического моментов в пределах исследуемого сегмента, а также о влиянии языческих ценностей на концептуализацию недвижимого имущества в англосаксонской картине мира.

Контекстуальный анализ позволил вычленить признак **эстетического объекта**: *lond...*, // *freodoburh fægere* досл.: земля... // убежище красивое [13, 522—523]. Из этого следует, что в концепт LAND «земля» входят представления о красивом участке некультивируемой земли. Эстетическая категория красоты свидетельствует об эстетической природе ментального конструкта LAND «земля». Значит, в рассматриваемом сегменте нашла отражение не только этическая сфера жизнедеятельности англосаксов, но и эстетическая. Синкретизм этического и эстетического, характерный для языческого мировоззрения, подтверждает обусловленность представлений о земельной собственности языческими ценностями [7, 53].

Обращение к контекстуальному анализу выявляет также символику земли в англосаксонской картине мира. Так, признак **символа смерти**, имплицитно представленный в: *land drysmýde* // *dead-*

ra hræwum досл.: земля мрачной становится // под трупами, телами мертвых [17, 39—40], свидетельствует о символике смерти недвижимого имущества: оно являлось полем брани и гибели.

Данный признак дополняется противоположным признаком **символа жизни**, вычленяемый из следующего контекста: *Forþon me hatren sind // dryhtne dreamas þonne bis deade lif, // læne on lond* досл.: Ведь только господним // я дорожусь блаженством, // а не жизнью мертвой, // переходящей на земле [24, 64—66]. Символика земли как смерти и жизни, характеризующая мифологическую сферу англосаксонской культуры, является аргументом присутствия как языческих, так и христианских мотивов в сегменте (мотив богатства и радости наряду с мотивом богатства и смерти, проклятия [6, 14]. Анализ вышеприведенного отрывка также позволяет эксплицировать признак **материального мира в противопоставлении небесному**, уточняющий признак **символа жизни**. Приведенные признаки свидетельствуют о том, что в контексте англосаксонской культуры жизнь на земле противопоставлялась божественному блаженству, более ценному по сравнению с земным, преходящим. Вышесказанное свидетельствует о недолговечности материальных ценностей в древнеанглийский период. В христианстве, как известно, смещается акцент с преходящих материальных ценностей на вечные духовные [11, 64, 89].

Изучение контекста *līxte...lēoma ofer landa* досл.: сиял...свет над землей [13, 311] позволяет эксплицировать признак **символа света**, который дополняет символику земли в англосаксонской картине мира: земля, как ценный объект, ассоциировалась с божественным светом, что является еще одним подтверждением мифологической стороны рассматриваемого сегмента.

Контекстуальный признак **сакрального объекта, объекта, требующего защиты**, вычленяется в результате контекстуального анализа следующего поэтического фрагмента: *he nolde fleogan fōt-mæt landes* досл. он не уступит (не отдаст) ни пяди земли [12, 275]. Этим признаком также манифестируется мифологическое начало рассматриваемого сегмента.

Подобным образом были вычленены имплицитные признаки остальных концептов, входящих в состав исследуемого сегмента. Анализ всего имплицитного содержания способствовал определению роли недвижимого имущества в англосаксонской картине мира и выявлению особенности их концептуализации.

В процессе концептуального анализа *всех* языковых средств, фиксирующих концепты сегмента НЕДВИЖИМОЕ ИМУЩЕСТВО, были уточнены некоторые концептуальные признаки. Так, буквальное прочтение сочетания глагола *geƿicgan* (*to receive, become entitled* [19]) с именем *land-riht* «право на землю» *land-riht geƿah* *досл.: правом на земли был законно наделен* [17, 354], позволяет уточнить признак **дара** до **законного дара**. При этом, как известно, по закону вместе с раздаваемой землей новому владельцу передавались права на людей, живущих на этой земле, а также льготы в виде освобождения от воинской службы, обычных повинностей, выплаты дани [3, 421]. Подобный способ приобретения земли, подтверждаемый документально (грамоты, завещания, купли), был в духе римского права и поощрялся духовенством в отличие от «народной» земли, приобретаемой в результате борьбы между англосаксонскими государствами [3, 421]. В контексте культуры вышесказанное может быть интерпретировано как отражение христианских представлений о юридической (законодательной) сфере в сегменте НЕДВИЖИМОЕ ИМУЩЕСТВО.

Наряду с уточнением концептуальных признаков, концептуальный анализ вычленяет новые признаки. Например, признак **древнего предмета, реликвии** эксплицируется путем буквального прочтения сочетания имени прилагательного *eald* (*ancient, of long ago* [27]) с именем существительным *eƿel-stōl* «древний трон» (*ealdne eƿel-stōl* *досл.: древний трон знати* [23, 121]). Упомянутый признак свидетельствует о том, что в контексте англосаксонской культуры атрибуты королевской власти являлись доказательством знатного происхождения и древнего рода.

Исследование *всего* концептуального содержания данного сегмента с помощью обращения к широкому контексту и интерпретации в контексте культуры позволило уточнить выявленные признаки и эксплицировать новые признаки, а также отметить особенности концептуализации недвижимого имущества в англосаксонской картине мира. Так, обращение к фрагменту древнеанглийских письменных источников уточняет признак **ценного предмета, сокровища: eard wæs ƿу weorðra** *досл.: дом был дорог (почитаем)* [23, 88/11]. Вышеприведенным контекстом манифестируется нематериальная ценность недвижимого имущества: земля (дом, страна) — родина, место жительства, почитаемое и дорогое сердцу. Любовь к родному дому, земле сравнима

с родственными чувствами: *fæder eðel* *досл.: отец земли родной* [25, 95].

Контекстуальный анализ другого фрагмента конкретизирует признак **дара** до признака **божественного дара: God... // ...brytað, // eard** *досл.: Господь... // ...раздал // владения (земли)* [13, 1726—1728]. Из вышеприведенного примера следует, что нематериальная ценность недвижимости проявлялась и в концептуализации ее в качестве божественного дара. Вместе с этим, в контексте культуры земельная собственность являлась символом близости к Богу, что было свойственно христианскому мировоззрению. Земля наряду с талантом, профессией, свободой и любовью к ближнему, была дарована человеку Богом, перед которым человек должен отчитаться. Имущество должно быть употреблено «хорошо», т.е. «для удовлетворения потребностей главы семьи и его жены и детей, равно как и других домочадцев [5, 406—408]. Следовательно, христианское мировоззрение наложило отпечаток на концептуализацию недвижимости в англосаксонской картине мира.

Наряду с признаком **дара**, конкретизируется признак **объекта стремления: eþeodigra eard gesece** *досл.: принадлежащую другим людям землю искал* [24, 38]. Объектом стремления являлись дальние страны, что манифестируется вышеприведенным контекстом. Причина устремления к иноземным странам связана, как считают исследователи, с христианской темой изгоя и паломничества [15, 37—38; 20, 12; 21, 286—287; 22, 188—189; 26, 202—203]. Лишенные земли, покровителя, его доброты и счастья искали утерянное в дальних странах, как скитальцы в англосаксонских поэмах «Deor», «The Wanderer» и «The Seafarer» [20, 12; 15, 37—38]. Земля при этом являлась для скитальцев раем и символизировала отказ от земных ценностей в пользу духовных [26, 202—203; 15, 37—38].

В результате исследования широкого контекста вычленяются новые концептуальные признаки. Например, в следующем поэтическом фрагменте имплицитно представлен признак **символ рока: Ic on eard bād // māl-gesceafta** *досл.: я на земле обитал // время выделенное (отведенное)* [13, 2736—2737]. Исходя из этого, можно предположить, что в англосаксонской картине мира земля концептуализировалась как место отбывания человеком срока, предначертанного ему судьбой.

Признак **символа рока** связан с признаком **объекта, внушающего страх**, который эксплицируется в результате анализа нижеприведенного

отрывка: *eard...*, // *fr̥cna stōwe, ðær þu findan miht // fela-sinninge secg* *досл.: землю..., // ужасное место там ты найдешь // очень грешных людей* [13, 1377—1379]. В данном текстовом фрагменте земля описывается в качестве страшного места обитания грешников, из чего следует, что в сегмент НЕДВИЖИМОЕ ИМУЩЕСТВО вошли представления о земле как об аде, ужасном месте, внушающем страх. Признаки **символа рока и объекта, внушающего страх**, связаны с мотивом смерти и подтверждают факт отражения христианских мифологических представлений в исследуемом сегменте.

Итак, комплексный подход к исследованию концептуализации земельной собственности позволяет дополнить данные, полученные в ходе применения одного из методов. Как выяснилось, дефиниционный анализ выявляет объекты, представления о которых включены в рассматриваемый сегмент (земля, дом, дворец, трон и др.), определяет функциональные характеристики и символику данных объектов (место раздачи даров, символ радости и др.). Этот метод выделяет лишь часть эксплицитных признаков, на основании которых можно сделать вывод о переплетении абстрактного и конкретного в пределах исследуемого сегмента. Концептуальный и контекстуальный методы с привлечением интерпретации в контексте культуры эксплицируют признаки, отражающие особенности концептуализации богатства в англосаксонской картине мира, т.е. переплетение христианских и языческих ценностей, отражение мифологической, социальной, законодательной, финансовой, этической и др. сфер жизнедеятельности носителя древнеанглийского языка. Обращение к концептуальному и контекстуальному анализу позволяет уточнить уже выявленные признаки (например, **ценный предмет (сокровище), дар** и др.) и вычленить ряд новых (напр., **древний предмет (реликвия)** и др.). Интерпретация в контексте культуры, которую трудно отделить от вышеперечисленных типов анализа, позволяет сопоставить информацию, полученную в результате концептуального и контекстуального анализов, с культурологическими и историческими данными.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: курс лекций по англ. филологии / Н. Н. Болдырев. — 1-е изд. — Тамбов: Изд-во ТГУ, 2000. — 123 с.
2. Борухов Б.Л. Зеркальная метафора в истории культуры // Логический анализ языка. Культурные концепты. — М.: Наука, 1991. — С. 15—20.
3. Всемирная история: в 24 т. — Минск: Современ. литератор, 1999. — Т. 7: Раннее средневековье. — 529 с.
4. Гуревич А.Я. Избранные труды: в 2 т. / А. Я. Гуревич. — М.; СПб.: Унив. кн., 1999а. — Т. 1: Древние германцы. Викинги. — 360 с.
5. Гуревич А.Я. Избранные труды: в 2 т. / А. Я. Гуревич. — М.; СПб.: Унив. кн., 1999б. — Т. 2: Средневековый мир. — 360 с.
6. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры / А. Я. Гуревич. — М., 1974. — 350 с.
7. Феоктистова Н.В. Формирование семантической структуры отвлеченного имени: (на материале древнеанглийского языка) / Н. В. Феоктистова. — Л.: ИЛГУ, 1984. — 187 с.
8. Стернин И.А. Концепты и лакуны / И. А. Стернин, Г. В. Быкова // Языковое сознание: Формирование и функции: сб. ст. / отв. ред. Н. В. Уфимцева. — М., 1998. — С. 56—67.
9. Лебедько М.Г. Время как когнитивная доминанта культуры. Сопоставление американской и русской темпоральных концептосфер: монография / М. Г. Лебедько. — Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2002. — 240 с.
10. Чернейко Л.О. Лингво-философский анализ абстрактного имени / Л. О. Чернейко. — М., 1997. — 320 с.
11. Шапошникова И.В. Системные диахронические изменения лексико-семантического кода английского языка в лингво-этническом аспекте / И. В. Шапошникова. — Иркутск, 1999. — 243 с.
12. The Battle of Maldon [Electronic resources] // Complete Corpus of Anglo-Saxon Poetry. — Режим доступа: <http://www.sacred-texts.com/neu/ascp/>
13. Beowulf [Electronic resources] // Complete Corpus of Anglo-Saxon Poetry. — Режим доступа: <http://www.sacred-texts.com/neu/ascp/>
14. Bosworth J., Toller M.A. Anglo-Saxon Dictionary based on the manuscript collection of the late. / J. Bosworth, M. A. Toller //— Oxford: Oxford University Press, 1997. — 1302 p.
15. The Cambridge History of English Literature. Vol. 1. From the Beginnings to the Cycles of Romance. — Cambridge: Cambridge University Press, 1920. — 504 p.
16. Elena [Electronic resources] // Complete Corpus of Anglo-Saxon Poetry. — Режим доступа: <http://www.sacred-texts.com/neu/ascp/>
17. Exodus [Electronic resources] // Complete Corpus of Anglo-Saxon Poetry. — Режим доступа: <http://www.sacred-texts.com/neu/ascp/>
18. Fowler R. Glossary // Old English Prose and Verse / An annotation selection with introductions and notes by R. Fowler. — Great Britain: Fletcher and Son Lt., Norwich, 1966. — P. 167—240.
19. Irving E.B. Glossary / E. B. Irving // The Old English Exodus / Ed. with introduction, notes, and glossary by E. B. Irving. — New Haven: Yale University Press, 1953. — P. 99—129.
20. Lang A. History of English Literature from «Beowulf» to Swinburne / A. Lang; ed. by A. Long. — L.: Longman, Green and Co., 1912. — 689 p.

21. *A New Critical History of Old English Literature* / Ed. by S. B. Greenfield, D. G. Calder. — N. Y.; L.: New York University Press, 1986. — 270 p.

22. *Pope J. Dramatic voices in the Wanderer and The Seafarer // Old English Literature. Twenty two analytical essays* / Ed. by M. Stevens, L. Mandel. — L.: University of Nebraska Press, 1968. — P. 163—197.

23. *Riddles [Electronic resources] // Complete Corpus of Anglo-Saxon Poetry*. — Режим доступа: <http://www.sacred-texts.com/neu/ascp/>

24. *The Seafarer [Electronic resources] // Complete Corpus of Anglo-Saxon Poetry*. — Режим доступа: <http://www.sacred-texts.com/neu/ascp/>

25. *Widsith [Electronic resources] // Complete Corpus of Anglo-Saxon Poetry*. — Режим доступа: <http://www.sacred-texts.com/neu/ascp/>

26. *Whitelock D. The Interpretation of The Seafarer // Old English Literature. Twenty two analytical essays* / Ed. by M. Stevens, L. Mandel. — L.: University of Nebraska Press, 1968. — P. 198—211.

27. *Whitelock D. Glossary // Sweet H. Sweet's Anglo-Saxon Reader in Prose and Verse / Revised by D. Whitelock*. Oxford: Oxford University Press, 1967. — P. 293—404.

28. *Wrenn C.L. Glossary to «Beowulf» / C. L. Wrenn // Beowulf. With the Finnesburg Fragment*. — L.; Toronto; Wellington; Sidney: C. Harrap and Co. Ltd, 1958. — P. 231—317.